

ГЛОБАЛЬНЫЙ И ГЛОКАЛЬНЫЙ УРБАН-КОДЫ КАК РАЗНОВИДНОСТИ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ СОВРЕМЕННЫХ КРУПНЫХ ГОРОДОВ

УДК 316.7 : 325.111 : 008
<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-15-22>

Р. Ш. Дубин

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: radd24@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается концепция глобальных и глокальных урбан-кодов, разработанная на основе концепции габитусов П. Бурдьё, концепта глокализации Р. Робертсона, концепций культурного кода Ю.М. Лотмана, У. Эко, Р. Барта и др. Урбан-код представляет собой габитуальное образование, посредством которого репрезентируется целостная система представлений определенной социальной группы (или социума в целом) о городе, городской среде, городском планировании и т. п. Современные урбан-коды представлены глобальными («совпадающими» с глобализационным трендом) и глокальными кодами; последние направлены на сохранение уникальности целостного образа тех или иных городов.

Ключевые слова: концепция габитусов П. Бурдьё, концепт глокализации Р. Робертсона, культурный код, глобальный и глокальный урбан-коды.

Для цитирования: Дубин Р.Ш. Глобальный и глокальный урбан-коды как разновидности культурных кодов современных крупных городов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 15-22. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-15-22>

GLOBAL AND GLOCAL URBAN CODES AS VARIETY OF CULTURAL CODES OF MODERN MAJOR CITIES

Radik SH. Dubin

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation
e-mail: radd24@mail.ru

Abstract: The article discusses the theory of global (GUK) and local (GIUK) urban codes, developed on the basis of P. Bourdieu's habitus concept, R. Robertson's glocalization concept, concepts of the cultural code (Y.M. Lotman, U. Eco, R. Barth, etc.). The urban code is a habitual formation, through which an integral system of representations of a certain social group (or society as a whole) about the city, urban environment, urban planning, etc. is represented. Modern urban codes are represented by global ("coinciding" with the

ДУБИН РАДИК ШАМИЛЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

DUBIN RADIK SHAMILEVICH – doctoral student of Department of Cultural Studies, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

© Дубин Р.Ш., 2022

globalization trend) and glocal codes; the latter are aimed at preserving the uniqueness of the holistic image of certain cities.

Keywords: P. Bourdieu's habitus concept, R. Robertson's glocalization concept, culture code, global and glocal urban codes.

For citation: Dubin R.S. Global and local urban codes as varieties of cultural codes of modern large cities. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 15-22. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-15-22>

Процессы урбанизации, динамично развивающиеся в течение последних столетий, связаны с глобализационными трансформациями. Последние оказывают все более существенное влияние на социально-экономические, политические, демографические, культурные и иные условия жизни людей. Способствуя массовым перемещениям людей и идей, капиталов, образов жизни, их «смещению», глобализация формирует новые модели и стандарты – в том числе, в рамках пространственных практик, городского планирования и городской среды, ее визуального образа и эстетического восприятия. «Практически все глобальные города идут по пути воплощения идеи «интернационального» пространства города как основы своего имиджа. Если мы возьмем Нью-Йорк и Гонконг, то в их отдельных чертах мы найдем больше общего, чем отличий» [7, с. 144]. В связи с этим возникает необходимость глубокого и всестороннего анализа сочетанного влияния, оказываемого глобализацией и противостоящими ей процессами на динамику визуальных образов современных городов.

Предложенная нами интерпретация городских культурных кодов базируется на нескольких методологически значимых для нас источниках: концепции габитусов П. Бурдьё, концепте глокализации Р. Робертсона и трактовке культурного кода, разработанного Ю. М. Лотманом.

Французский социолог второй половины XX века Пьер Бурдьё – один из создателей теории практик – в своей работе «Наброски теории практики» [11] ввел в научный оборот понятие *габитуса*. Посредством габитуса, как организующего принципа действия, опреде-

ленные социокультурные условия, с одной стороны, самовоспроизводятся через своих «агентов» («реплицируются»), с другой – продолжают оказывать собственное воздействие на этих «агентов», то есть на индивидов и сообщества, выступающие субъектами данной «репликации» социальных и культурных обстоятельств.

Габитус (от латинского *habitus* – «привычный») обозначает такие привычные поведенческие практики, которые «варьируются не просто в зависимости от индивидов и их подражательных действий, но главным образом в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах» [8, с. 178]. Согласно Бурдьё, габитус «прививает» своим коллективным агентам определенные мировоззренческие представления, придавая объектам – материальным или нематериальным – ту или иную «ценность», в том числе, культурную. (Одни объекты «ценятся» и соответственно высоко оцениваются, другие – наоборот) [14].

Несмотря на то, что первичным агентом габитуса выступает индивид, сами «привычные» практики представляют собой коллективное образование, своеобразный инструмент, способствующий тому, что те или иные условия постоянно воспроизводятся в общественной жизни. В рамках такого «коллективного агента», как правило, репрезентируются доминирующие привычные социокультурные подходы той или иной социальной группы и/или социума в целом. Именно поэтому, габитус, по словам Бурдьё, представляет собой образование одновременно «коллективное» и «субъективное» (но не индивидуальное!). Ведь габитуальные (*habitual*) практики есть

«процесс и результат усвоения (интериоризации) объективных социальных отношений, но, в то же время, собственный (субъективный) ресурс поведения агента, порождающий социальные практики» [3, с. 159].

Бурдьё удалось на множественных примерах продемонстрировать, как работает механизм воспроизводства социокультурной средой как средств собственного производства, так и условий, позволяющих проводить анализ воздействия этого воспроизводства на коллективного субъекта габитуса. Само «ощущение» как габитуса, так и определяемой габитуальной «ценности» объекта, по Бурдьё, передается через определенные габитуальные же институты. Этот процесс обычно начинается с семейного окружения, а затем закрепляется с помощью других институтов, таких как образование и трудоустройство. Эти институты постоянно укрепляют (а иногда реструктурируют и изменяют) исходные шаблоны культуры и социальности субъекта, то есть шаблоны, с помощью которых субъект относится к миру и другим людям. [14].

Бурдьё говорит также о специфических «культурных габитусах», развивающихся под воздействием историко-культурных условий, включающих смысловые, ценностные и эстетически значимые элементы [2, с. 18]. Некоторое «пересечение» этого подхода можно видеть с концепцией «культурных кодов», получившей развитие в современном гуманитарном знании, в трудах философов, культурологов, семиотиков, в том числе, в трудах Ролана Барта и Умберто Эко, а также – в работах выдающегося отечественного мыслителя Ю. М. Лотмана. В сборнике «Семиосфера», рассуждая о тексте культуры (под «текстом культуры» в семиотической системе Лотмана понимается не литературный и даже не художественный «текст», а шире – любой значимый культурный артефакт как таковой), Лотман выделяет в качестве особой его характеристики «перевод уже имеющегося сообщения в новую систему значений» [6, с. 172]. «В этом состоит универсальность такого понимания концепта “культурный код”, спо-

собность выполнять функции устойчивого и неизменного культурного субстрата при всей изменчивости и многообразии культурной субстанции» [4, с. 153].

Культурный код имеет собственную структуру, упорядочивающую восприятие текста культуры. Эту «структурирующую» функцию культурного кода подчеркивают как Ю. М. Лотман, так и У. Эко, писавший, что способом ее реализации выступают «правила сочетания, упорядочения символов» [10, с. 432]. Р. Барт же видит в культурном коде, прежде всего, компендиум коллективной памяти, ««культурные прецеденты, приобретенные сконцентрированный, парадигматический и иконический характер» [1, с. 248].

В целом можно сказать, что культурный код в определенной (но не в полной!) мере синонимичен таким понятиям, как «культурная традиция» и/или «культурная матрица»; последнее понятие рассматривают также как «наиболее общий культурный код для понимания текста определенной культуры» [4, с. 159]. Культурный код, как правило, не имеет некоего «официального», институционального оформления, да и не нуждается в нем, функционируя и развиваясь на уровне, скорее, коллективной психики и массовой перцепции артефактов культуры.

В качестве такого *культурного кода крупного города* мы рассматриваем *урбан-коды*. Термин «urbancode» получил распространение в коммуникативном пространстве современной культуры, но не в качестве академического понятия, а применительно к сфере повседневности: к моде, одежде, парфюму – т. е. к некоему городскому стилю жизни; существует также торговый бренд с таким названием. Мы же предлагаем расширить границы понимания термина, используя его применительно к современному городскому пространству как понятие, отображающее *габитуальное образование, посредством которого репрезентируется целостная система представлений определенной социальной группы (или, опять же, социума в целом) о городе, городской среде, городском планировании и т. п.* Урбан-код, как

и габитус в представлении П. Бурдые, с одной стороны выступает как некий синхронический «срез» подобных представлений, с другой – и сам может существенно влиять на эти представления, видоизменяя их, тем самым являя уже не синхронический, а диахронический аспект проблемы.

К важным характеристикам урбан-кода относится тот факт, что, будучи изначально неким «идеальным», нематериальным образованием, он находит свое воплощение в материальных объектах – элементах городского планирования и т. п. В то же время определенный «идеальный» аспект сохраняет свою значимость и при физическом воплощении урбан-кода: ведь в качестве основы здесь выступает человеческая мысль – решения архитекторов, планировщиков и др., принятые в соответствии с тем или иным устоявшимся урбан-кодом (или же в противостоянии ему).

В современных условиях – в первую очередь, в условиях активного глобализационного процесса последних десятилетий – можно говорить об уже сформировавшемся и многократно реализованном на практике *глобальном урбан-коде*. Говорить здесь о габитусе в том смысле, который вкладывал в этот термин П. Бурдые, позволяет нам, в том числе, выраженная ориентация городского планирования на доминирующие социокультурные ценности. Так, Дж. Кроуфорд, автор популярного в США труда «Города без автомобилей» [13], размышляя о городском планировании, утверждает: «Модели часто менялись с тех пор, как первые города были основаны десять тысяч лет назад. Изменения обусловлены множеством факторов, наиболее важными из которых являются *ценности, философия, системы управления, численность населения, художественная восприимчивость*». *Выделено нами.* – Р.Д. [12]. И только уже вслед за этими важнейшими факторами автор называет методы проектирования, методы строительства и транспортные технологии.

Глобальный урбан-код «глобален», прежде всего, в том смысле, что с высоким постоянством воспроизводится в самых разных

городах планеты вне зависимости от принадлежности тех или иных городов (как минимум, крупных) и представляемых ими стран к тем или иным общественным системам, политическим или экономическим блокам. Таким образом, базовые маркеры глобального урбан-кода являются характеристиками универсальными.

К числу таких маркеров относятся, например:

- 1) функционализм, практичность, рационализм;
- 2) многоэтажность и плотная застройка;
- 3) четкий геометризм, преобладание прямых линий;
- 4) материалы – бетон, стекло, металл;
- 5) часто – секуляризация религиозных объектов.

У каждого из этих элементов есть собственные характерные признаки. Например, фактор «практичности» во многом способствовал признаваемой сегодня широкими кругами общественности деэстетизации городского пространства в середине и во 2-й половине прошлого столетия во многих городах. Стремление к экономической эффективности приводило зачастую к призыву отказываться от архитектурных «излишеств» и подобной «непрактичной мишуры», связанной с серьезными материальными затратами. Такой подход особенно развивался в связи с глобализационными тенденциями, в частности, с тем, что на глобализацию была в свое время в значительной степени ориентирована застройка американских городов.

Для формирования эффекта «истинного» глобального урбан-кода важна взаимная согласованность составляющих его элементов. Так, критерий «практичности» реализовывался сам по себе уже в исторической ретроспективе, начиная со строительства первых городских укреплений. Жители окрестностей, как правило, собирались в одном «огороженном» (то есть защищенном в военном отношении) месте именно с целью защиты от возможного нападения врага, и такое решение было, несомненно, и «практичным», и «рациональ-

ным». Рост этажности городских построек, использование определенных материалов – все это в свое время было обусловлено, в первую очередь, экономическими факторами, а не следованием какому-то «коду», тогда как сегодня эти маркеры уже почти на уровне коллективного бессознательного воспринимаются именно и непосредственно как элемент системы.

В то же время не все из указанных маркеров являются строго обязательными в качестве элементов обсуждаемой системы. Так, секуляризация культовых построек (путем, например, превращения церквей и храмов в музейные и культурные комплексы) больше характерна для западных стран, откуда, собственно, и берут свое начало глобализационные процессы. В большинстве стран Азии, даже в тех современных городах, где глобальный урбан-код присутствует со всей очевидностью, этот маркер достаточно часто либо выражен незначительно, либо не выражен вовсе. Исламские и буддистские культовые строения – мечети, буддистские храмы, ступы и статуи Будды и др. – сохраняют, как правило, свое значение именно в качестве культовых сооружений.

И это – один из поводов задуматься о существовании не только определенных глобальных тенденций в городском планировании и строительстве, но также и о явно присутствующих сегодня в мире тенденциях противоположных (в сочетании с глобальными). Крупные мегаполисы планеты в подавляющем большинстве – даже при активно репрезентируемом в их городской среде глобальном урбан-коде – сохраняют в то же время черты собственного своеобразия, уникальности и индивидуальности, что позволяет ставить вопрос не только о «глобальном», но и о «глокальном» урбан-коде.

Само понятие «глокальности», в котором зримо соединяются такие, казалось бы, несовместимые категории как *global* (глобальный, «общеземной») и *local* (местный, региональный), тесно связано с концепцией «глокализации», разработанной когда-то британским социологом Роландом Робертсоном. Первонач-

ально термин «глокализация» использовался японскими бизнес-компаниями. В 1980 году Р. Робертсон использует его уже как академическое социологическое понятие в нашумевшей впоследствии статье, опубликованной в журнале «Harvard Business Review». Понятие это, по Робертсону, призвано отобразить, прежде всего, единовременность наблюдаемых в сегодняшнем мире, хотя и контрастирующих друг с другом, тенденций – «универсализирующих» (которые можно рассматривать и как центристские, поскольку в них действительно отображается стремление различных объектов к некоему единому центру) и «партикуляризирующих» (центробежных). «Глокализация ... фиксирует, что рост значимости континентальных и глобальных уровней происходит вместе с ростом значимости локальных и региональных уровней. Более того, понятие глокализации подчеркивает взаимозависимость глобальных и региональных уровней» [9, с. 5].

Н. Н. Кожевников и Н. Л. Пашкевич видят в глокализации, прежде всего, стратегию – а именно такую стратегию, которая удачно сочетает в своих рамках общемировые и региональные ориентации и интересы коллективных субъектов политических, экономических, культурных и т. п. отношений. В этом смысле ими понимается воспринимаемое уже как почти синонимичное термину «глокализация» понятие «новый регионализм». От привычного «регионализма» прошлого века «новый регионализм» отличается тем, что, во-первых, организуется скорее как сетевая, нежели иерархическая структура (инициация, принятие и реализация решений «снизу», а не «сверху»). Во-вторых, существенно расширяются его рамки, включая в себя уже не только экономическую проблематику, но также более общие вопросы общественной и культурной жизни [5, с. 111–115].

В применении к социокультурным процессам глокализация, по Робертсону, означает проявление региональной («локальной») культуры, традиционных для нее норм и ценностей, ее артефактов, противостоящих

во многом агрессивному и чрезмерно стандартизированному влиянию глобализационных трендов. Это же противостояние мы наблюдаем, в сущности, и в развитии городской среды большинства крупных современных городов. Исходя из вышеозначенного понимания глокальности, мы рассматриваем глокальный урбан-код в качестве антиномичного глобальному урбан-коду.

Важно еще раз подчеркнуть, что глобализационные и «глокализационные» процессы в культуре городского планирования остаются именно «единовременными». Выступая на поверхностный взгляд противоречащими и даже противоположными друг другу, на деле они практически (за исключением отдельных случаев) не являются настоящими антагонистами. Напротив, здесь следует говорить скорее о взаимовлиянии и взаимном обогащении, углублении. Современный крупный город сложно представить без тех примет, которые мы обозначили как маркеры глобального урбан-кода. Однако не менее сложно вообразить и такой город, который в погоне за полным соответствием стандартам глобализации полностью утратил бы собственное своеобразие и уникальные черты той региональной культуры, которую он представляет.

Если посредством глобального урбан-кода как габитуального образования репрезентируются ценности, непосредственно связанные с современными глобализационными процессами, то главной функцией глокального урбан-кода выступает сохранение уникальных, индивидуальных, «узнаваемых» характеристик целостного образа того или иного города – визуального, эстетического и т. п.

В этом смысле понятие о глокальном урбан-коде тесно связано с представлением о городском брендинге. При этом последний может рассматриваться как компонента (либо даже как частный случай) первого. Соответственно, как и в традиционном брендинге, характеристики конкретных глокальных урбан-кодов (в особенности глокальных кодов тех городов, которые действительно представляют собой в высокой степени уникальную

и индивидуальную городскую среду) оказывается в столь же высокой степени уместно представлять посредством коротких и емких метафорических слоганов, отображающих основные характеристики этой уникальности. Примеры:

- Афины – «современная античность». Характерная особенность данного кода: сочетание современных тенденций с последовательным курсом городских властей на сохранение античного культурного и архитектурного наследия и в целом – образа «колыбели западной цивилизации».
- Дубай – «1002-я ночь, или арабская футуросказка». Элементы данного урбан-кода – акцентированная роскошь, фантазматичность, представленная в первую очередь почти шокирующими, «фантастическими» элементами будущего в современной городской среде, и выраженный экологизм. На «глокальный» эффект здесь работает и поддерживаемое городскими властями сохранение как собственно «дубайского», так и общеарабского наследия городской культуры – в виде, например, «аутентичных» исторических кварталов Аль-Фахида и Хатта («Деревня наследия») или множества мечетей, функционирующих именно как религиозные – а не музейные – центры.

Как можно заметить, большинство указанных выше характеристик глобального урбан-кода совпадает с характеристиками архитектуры эпохи модерна, выделяемыми такими ее представителями, как В. Гропиус, Ле Корбюзье, М. ван дер Роэ и др. По нашему мнению, это объясняется таким же совпадением хронологических рамок начала «взрывного» развития глобализации и развития именно этого направления в архитектуре. Позднее, уже на пике глобализационных процессов, доминирование модернистской архитектуры в современных городах постепенно сменяется все более активным использованием в городской застройке постмодернистских

течений – таких, например, как деконструктивизм. С одной стороны, постмодернистская архитектура, по самому факту своего широкого, даже общемирового, распространения, также может рассматриваться как связанная с глобализацией. С другой стороны, общая направленность всего постмодернистского направления в искусстве базируется на фундаментальном принципе раскрытия уникальной индивидуальности культурного объекта, что прямо противоречит максимальной нацеленности на стандартизацию и унификацию, столь характерные для глобального урбан-кода. Мы видим в этом расхождении свидетельство соотнесенности постмодернистской архитектуры не только с глобализационными, но одновременно и с «глокализационными» тенденциями развития мировой культуры; больше того, само это единство по видимости противоположных устремлений наиболее характерно именно для «глокального» дискурса, в рамках которого, в отличие от дискурса глобального, допустимы всевозможные и разноуровневые «компромиссы».

Сравним, например, здания, построенные по проектам Захи Хадид – одной из самых ярких представительниц деконструктивистской архитектуры – в Москве и в Дубае. И московский бизнес-центр «Пересвет-Плаза» («Dominion Tower»), и дубайские «Танцующие

башни» несут в себе узнаваемый отпечаток авторского почерка З. Хадид, но в то же время каждый из них гармонично вписывается в визуальный «глокальный» образ тех городов, которые они представляют. В «Dominion Tower» можно заметить отголоски раннего советского конструктивизма (несмотря на то, что именно против конструктивистских идей изначально направлен архитектурный деконструктивизм): наряду с плавными, округлыми линиями, «закругленностью» углов и т. п. здесь все-таки доминируют прямолинейные образы, достаточно жесткий «скелет» здания и четкое разделение всей конструкции на конкретные элементы. Тогда как «Танцующие башни» в Дубае отличает прежде всего именно плавность, «текучесть» линий, их пластичность и общая «сглаженность», постепенность переходов между элементами. Все это вместе создает тот самый фантазматический, почти сказочный эффект действительно двигающихся, «танцующих» зданий.

Можно резюмировать, что глобальный и глокальный урбан-коды, являясь вариантами культурных кодов современных городов, представляют собой такие габитуальные образования, которые соответствуют глобализационным (первый) и «глокализационным» (второй) тенденциям в развитии современных городов.

Список литературы

1. Барт Р. Империя знаков. Москва: Праксис. 2004. 144 с.
2. Бурдье П. Исторический генезис чистой эстетики // Новое литературное обозрение. 2003. №60.
3. Выдрина А.С. «Габитус» Пьера Бурдье как теоретическая основа анализа некоторых видов брендов // Социосфера. 2020. № 2. С. 159–161.
4. Гудова М.Ю., Юань М. Концепт «культурный код»: уровни значения // Интеллект. Инновации. Инвестиции / Intellect. Innovations. Investments. 2022. № 4. С. 151–159.
5. Кожевников Н.Н., Пашкевич Н.Л. Глокализация: концепции, характерные черты, практические аспекты // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2005. №3. С. 111–115.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
7. Пучков М. В. Глобализация и идентичность в архитектуре современных городов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 3 (116). С. 140–147.
8. Рубцова О.В. Значение категории «габитус» в социальной философии Пьера Бурдье // Исторические,

- философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (78). С. 178–180.
9. Сергеева Н.С. Концепция глокализации и ее трактовки в экономической теории // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 11 (157). С. 5–11.
 10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис». 1998. 432 с.
 11. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Vol. 16. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
 12. Crawford J.H. A Brief History of Urban Form. Street Layout Through the Ages [Электронный ресурс] // URL: <https://www.carfree.com/papers/huf.html>
 13. Crawford J.H. *Carfree Cities*. - International Books, 2000. 323 p.
 14. Gillespie L. Pierre Bourdieu: Habitus [Электронный ресурс] // URL: <https://criticallegalthinking.com/2019/08/06/pierre-bourdieu-habitus/>

References

1. Bart R. *Empire of signs*. Moscow : Praxis. 2004. 144 p. (In Russ.)
2. Bourdieu P. Historical genesis of pure aesthetics // *Journal of New Literary Review*. 2003. №60. (In Russ.)
3. Vydrina A.S. “Habitus” by Pierre Bourdieu as a theoretical basis for the analysis of some types of brands // *Sociosphere*. 2020. No. 2. pp. 159–161. (In Russ.)
4. Gudova M.Yu., Yuan M. The concept of “cultural code”: levels of significance // *Intelligence. Innovation. Investment / Intelligence. Innovation. Investments*. 2022. No. 4. pp. 151–159. (In Russ.)
5. Kozhevnikov N.N., Pashkevich N.L. Glocalization: concepts, characteristic features, practical aspects // *Bulletin of the Northeastern Federal University*. 2005. No.3. pp. 111–115. (In Russ.)
6. Lotman Yu. M. *Semiosphere*. SPB: Iskusstvo-SPB, 2000. 704 p. (In Russ.)
7. Puchkov M. V. Globalization and identity in the architecture of modern cities // *Izvestiya Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture*. 2013. № 3 (116). Pp. 140–147. (In Russ.)
8. Rubtsova O.V. The meaning of the category “habitus” in the social philosophy of Pierre Bourdieu // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2017. № 4 (78). Pp. 178-180. (In Russ.)
9. Sergeeva N.S. The concept of glocalization and its interpretation in economic theory // *Bulletin of the Samara State Economic University*. 2017. № 11 (157). Pp. 5-11. (In Russ.)
10. Eco U. *Missing structure. Introduction to Semiology*. St. Petersburg: LLP TC “Petropolis”. 1998. 432 p. (In Russ.)
11. Bourdieu P. *An essay on the theory of practice*. Volume 16. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. (In Russ.)
12. Crawford J.H. A Brief History of Urban Form. Street layout over the centuries [Electronic resource] // URL: <https://www.carfree.com/papers/huf.html>
13. Crawford J.H. *Cities without cars*. - International Books, 2000. 323 p.
14. Gillespie L. Pierre Bourdieu: habit [Electronic resource] // URL: <https://criticallegalthinking.com/2019/08/06/pierre-bourdieu-habitus/>

*

Поступила в редакцию 10.07.2022